

Зоя БОГУСЛАВСКАЯ ПОРТРЕТЫ ЭПОХИ

КАРТИНА
ВРЕМЕНИ

| АНДРЕЙ ВОЗНЕСЕНСКИЙ | ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ
| ЮРИЙ ЛЮБИМОВ | АНДРЕЙ ТАРКОВСКИЙ |
| АНДРЕЙ КОНЧАЛОВСКИЙ | ВАСИЛИЙ АКСЕНОВ...

Картина времени

Зоя Богуславская

**Портреты эпохи: Андрей
Вознесенский, Владимир
Высоцкий, Юрий Любимов,
Андрей Тарковский, Андрей
Кончаловский, Василий Аксенов...**

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Богуславская З. Б.

Портреты эпохи: Андрей Вознесенский, Владимир Высоцкий, Юрий Любимов, Андрей Тарковский, Андрей Кончаловский, Василий Аксенов... / З. Б. Богуславская — «Издательство АСТ», 2023 — (Картина времени)

ISBN 978-5-17-154422-5

Эта книга об одном из самых интересных и неоднозначных периодов советской эпохи и ее ярчайших представителях. Автор с огромной любовью пишет литературные портреты своего ближайшего окружения. Это прежде всего ее знаменитые современники: Андрей Вознесенский, Владимир Высоцкий, Юрий Любимов, Эрнст Неизвестный, Василий Аксенов, Андрей Тарковский, Андрей Кончаловский, Аркадий Райкин, Михаил Жванецкий и многие другие... А еще Зоя Богуславская делится с читателями своими незабываемыми впечатлениями от встреч с мировыми знаменитостями: Брижит Бордо, Михаилом Барышниковым, Вольфом Мессингом, Вангой, Нэнси Рейган, Марком Шагалом, Франсин дю Плесси Грей и многими другими. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-154422-5

© Богуславская З. Б., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Часть первая	6
Никита Сергеевич Хрущев	7
Ванга	13
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Зоя Богуславская
Портреты эпохи: Андрей Вознесенский,
Владимир Высоцкий, Юрий Любимов,
Андрей Тарковский, Андрей
Кончаловский, Василий Аксенов...

В оформлении обложки использована фотография *Валерия Плотникова*

В книге использованы фотографии из личного архива *Зои Богуславской* и из архива *пресс-службы Фонда Андрея Вознесенского*

© Богуславская З.Б., текст, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Часть первая Моя жизнь

Никита Сергеевич Хрущев

Эпизод, произошедший на встрече Н. С. Хрущева с интеллигенцией 8 марта 1963 года, растиражирован. Как только чуть-чуть приоткрыли архивы КГБ, одному из участников записи скандала удалось получить стенограмму, которую он нам и подарил. Вслед за этим другой корреспондент принес видеозапись происшедшего, так появился воспроизведенный текст и документальное кино исторического для интеллигенции события. Эти эпизоды вошли во все фильмы о Вознесенском, в том числе в юбилейный фильм к семидесятилетию и семидесятипятилетию юбилеям. Однако гроза разразилась не сразу. Уже случился разгром судьями Белютина, альманаха «Тарусские страницы», публичное издевательство над поэтессой Маргаритой Алигер и диалог уже разъяренного Никиты Сергеевича после увиденного на выставке Эрнста Неизвестного со скульптором.

Фраза, выкрикнутая Хрущевым во время проработки Вознесенского: «Вы думали, у вас оттепель? Оттепель кончилась, настают заморозки» – стала ключевой для этого времени, как судьбоносными для этих художников стали фразы: «Ишь, что придумали, какую-то свою партию, а я вот горжусь тем, что я член коммунистической партии» и заключительная: «Вон, господин Вознесенский, из Советского Союза, паспорт вам выпишет Шелепин»¹. Не будь крика и угроз Хрущева, быть может, не уехали бы из страны художники-неформалы: Эрнст Неизвестный, Олег Целков, Лев Збарский, Оскар Рабин, Эдуард Штейнберг, не легли бы на полку десятки готовых фильмов, не был бы остановлен поток отечественной самиздатовской литературы здесь и на «других берегах». Никто не ожидал, когда поэт медленно сходил с трибуны, неуверенно пересекая сцену, что Никита Сергеевич, быть может, что-то инстинктивно поняв, вдруг протянет поэту руку со словами: «Ну ладно, идите, работайте». Толкователи истории, сильно продвинутые в тогдашней политике, поняли это так: «Вознесенского не посадят, но неизвестно, как сложится отношение к нему дальше». Эта неуверенность спасла Вознесенского. Не прозвучало сверху сигнала гнать и топтать, власть выжидала, а через неделю стало известно, что был дан сигнал в Союз писателей исключить «бунтарей». В назначенный день Андрей уже улетел в Ригу.

Центральным моментом истории стал неистовый гнев генсека ЦК после начала выступления Андрея Вознесенского. Быть может, впервые глава страны прилюдно кричал на 29-летнего поэта, не дав ему продолжить. Этот эпизод оставил не только кровавые следы на состоянии здоровья Андрея, но и множество строк в его поэзии. Пережитое отзывалось в поэме «Оза»:

Когда беды меня окуривали,
Я, как в воду, нырял под Ригу,
сквозь соломинку белокурую
ты дыханье мне дарила»;
«Будь ты проклята, громада
программированного зверья,
будь я проклят за то, что я
слыл поэтом твоих распадов»;
«... Через рев их ты шла мне на помощь,
если жив я назло всем слухам,
в том вина твоя и заслуга».

¹ Александр Шелепин (1918–1994) – советский партийный и государственный деятель. С 1962 по 1965 год возглавлял Комитет партийно-государственного контроля при ЦК КПСС и Совете министров СССР, одновременно являясь заместителем председателя Совета Министров СССР.

из «Закарпатского дневника»:

«За что ты бьешь, палач бесчестный,
за веру или за Отечество,
за то, что перепил, видать,
и со страной не совладать...»

и многие другие.

Разгром интеллигенции, неистовая поддержка гонений самодержца, обрушившихся на самых талантливых молодых художников страны, произвела в те годы шокирующее впечатление на очевидцев и, конечно же, на всех людей, узнавших об этом.

Я слышала о том, что произошло, из уст Юрия Александровича Завадского, руководителя театра Моссовета, близкого друга Галины Улановой и одного из самых чтимых аристократов ума и поведения в стране. Я поднялась в лифте на пятый этаж Дома актера, который тогда находился на улице Горького, чтобы прочитать какой-то свежий материал об Александре Таирове и Алисе Коонен, и увидела идущего навстречу Завадского. «Зоя, – кинулся он мне навстречу с искаженным ужасом лицом, – что сейчас было, что было!» И он обхватил голову руками, страдальчески опустив веки. «Если б вы видели, как Хрущев кричал на Вознесенского! Это было отвратительно! Как это может быть?!» Я остановилась, как вкопанная, в голове пронеслось сказанное Андреем накануне. Мы уже тесно дружили, никаких иных отношений между нами еще не было, но нас скрепляло безграничное доверие, которое он испытывал ко мне. Позвонил он накануне, 7 марта, посоветоваться, как ему выступить. Он непременно хотел каким-то образом ответить на удар ленинградского поэта Александра Прокофьева, который в своих стихах как-то его оскорбил. Уже предчувствуя отношение властей к группе молодых, официальные чиновники из писателей время от времени пытались уничтожить их первые публикации. Так, у Николая Грибачева были известные стихи «Нет, мальчики!», на которые впоследствии Роберт Рождественский ответил стихотворением «Да, мальчики!» Это шла борьба поколений, эстетических позиций, режимного цензурирования литературы и жажды свободы.

Я спросила у Андрея, что он еще хочет сказать, кроме отпора Прокофьеву. Он ответил, что прочитает стихи: «Я не оратор и не полемист, меня настоятельно просили выступить, и я выступлю в роли поэта». Андрей нервничал, это ощущалось даже по телефону, но, в общем, было и некоторое предчувствие легкого скандала, его всегдашние потребности выйти за очерченные границы дозволенного.

– Что он кричал? – спросила я Завадского. Он замахал на меня руками.

– Не спрашивайте, не спрашивайте! Это невозможно повторить, невозможно поверить в это. Он (Хрущев – З. Б.) пытался уничтожить его (Вознесенского – З. Б.) и грозил изгнанием из страны.

Весь тот день я только и слышала о скандале, разразившемся в Кремле. После целого ряда выступавших предоставили слово Вознесенскому. Что произошло, запечатлено в сотнях телесюжетов, подробнее описано в воспоминаниях современников и в протоколах политической жизни Кремля. Однако в 2003 году нам подарили рассекреченную пленку из архивов КГБ, ее извлек крупный фотограф, принимавший участие в качестве корреспондента на этих встречах. То, что мы увидели на экране, казалось невероятным даже сегодня. Наш близкий знакомый, увидев эпизод документальной съемки, включенный в фильм о Вознесенском, был потрясен: «Мы думали, ну что-то там было, ну покричал бесноватый, подумаешь, это только

реклама! Они же после этого ездили по заграницам, выпускали книги, какие там гонения?! А теперь оказалось, что попытка уничтожения – это как танк, который чудом не раздавил их. Конечно повезло, что то время уже не могло вернуться... хотя кто знает?»

Андрей вышел на трибуну, взял в руки стакан воды, дежурно стоявший рядом, и произнес первую фразу: «Я, как и мой любимый учитель Маяковский, беспартийный...» Истощенный крик, раздавшийся сзади, прервал его выступление. Позади поэта, тесно сомкнувшись вокруг генсека, сидело все политбюро: Шелепин, Козлов, Семичастный, Молотов и т. д. Ошеломленный поэт, не оборачиваясь, пытался что-то ответить, быть может, просто продолжить, но крик стоял непрерывный. «Вон, Вознесенский, вон из страны. Вы думаете... А я горжусь, что я член партии. Вы хотите какую-нибудь другую партию...» И тут он сказал ту ключевую фразу «кончилась оттепель, заморозки начались», которая остановила культурную жизнь в стране на несколько месяцев. Эти заморозки повлияли на все сферы жизни художественной интеллигенции.

На киноплёнке видно – не оборачиваясь, поэт роняет стакан с водой, все еще пытаясь возразить. Меня всегда поражало, что, в отличие от многих людей, подвергавшихся публичной порке, у Андрея не нашлось слов: «Я не так выразился», «Извините, не подумал», «Я не то хотел сказать». Его фанатическая вера в собственное слово, его убежденность, что стихи могут все – заставили его здесь твердить только одно: «Дайте мне договорить». Ему казалось, если его выслушают до конца, все полностью изменится. Однако с каждым новым его словом ярость за его спиной все усиливалась. Фраза Хрущева «Вон из Советского Союза...» стала решающим ударом по психике Андрея. Он ничем не выдал происходящего внутри него и поднял голову только тогда, когда услышал: «Ну ладно, работайте» и протянул руку.

Он шел по брусчатке Кремля поздним вечером, в ушах звенели слова правителя, воздевшие против него кулаки, непрекращающийся ор зала, вторившего главному начальнику, и казалось, что жизнь кончена. В темноте от удаляющейся горстки людей отделился всего один человек. Он подошел к Андрею, полубоясь его, сказал: «Не горюй, все обойдется, пойдем лучше ко мне, выпьем». Это был Владимир Солоухин, автор выдающихся «Владимирских поселков», собиратель икон и в душе монархист, он привел Андрея к себе, напоил, показал свою коллекцию.

Много времени спустя, когда мы уже были вместе, Андрей, навещая меня в Доме творчества, рассказал эпизод из того времени: в одном из коттеджей Дома творчества жила писательница Галина Серебрякова². Мы все знали, что она тяжело пострадала во время Сталинских репрессий, говорили, что ее избивали, домогались, и что случайностью и счастьем было то, что она, уцелев, вышла из заключения. Она была женой крупного советского чиновника, писала рассказы и повести. Однажды, она подошла в столовой к Андрею и пригласила зайти в коттедж, посидеть и поговорить. Когда он пришел, она внезапно скинула халат и показала ему ровный шрам на своем теле, который был на месте груди. Андрей, мало приспособленный к подобного рода зрелищам, отшатнулся, испугавшись, а Серебрякова начала уверять его, что столь откровенного жеста он заслужил своим исключительным талантом. Писательница говорила, что она поклоняется его стихам, готова читать их без конца и просит подарить ей первую же книгу, которая у него выйдет. С умилением, прослезившись, она попрощалась с ним в тот день. На Кремлевской встрече сквозь пелену, заставшую глаза во время воплей Хрущева, Андрей различил в первом ряду Галину Серебрякову, которая с перекошенным лицом, воздев руки, кричала: «Вон, вон, вон!» И такое бывало.

Юрий Александрович Завадский, рассказывая мне о сцене в Кремле, не подозревал, как близко меня это касается. Едва закончив разговор, я кинулась к телефону, пытаясь разыскать Андрея. Безуспешно. Его мать, Антонина Сергеевна, исключительно хорошо ко мне отно-

² Галина Серебрякова (1905–1980) – русская и советская писательница и журналистка, автор романов о Марксе и Энгельсе.

сившаяся до нашей женитьбы (после сообщения Андрея о решении увести меня из семьи и жениться она была подавлена и сказала: «Любовь – не татарское иго», она восприняла его страсть, как помешательство, давление сил несправедливых), сказала: «Зюсечка, он куда-то улечел, думаю, в Прибалтику, оченъ торопился, обещал позвонить». Я не обмолвилась ни словом о том, что узнала. Позже какой-то идиот позвонил в квартиру Вознесенских, переспросив Антонину Сергеевну: «Это правда, что после крика Хрущева ваш сын застрелился?» Мать Андрея потеряла сознание.

В течение нескольких недель я не могла разыскать Андрея, он не звонил, не появлялся в Москве.

Потом позвонил, и я сообщила ему, что назначено собрание правления и актива Союза писателей с повесткой дня «Исключение из Союза Евтушенко, Вознесенского, Аксенова». Я отчетливо понимала, что приезд в Москву необходим, если его не будет лично – он механически, поднятием рук будет исключен. Помните, как у Александра Галича «мы поименно вспомним всех, кто поднял руки» в связи с исключением Пастернака. История не вспомнила тех, кто пытался лишить звания писателя трех блистательных художников, их было чересчур много.

Андрей приехал, позвонил:

– Я хотел бы тебя попросить спрятать все мои книги. У них хватит подлости после исключения изъять все мною написанное.

– Конечно, спрячу, – понимая состояние Андрея, без запинки согласилась я. – Но мне кажется, в этом нет необходимости. Ручаюсь, что такого не случится.

Я поднялась на второй этаж Центрального дома литераторов под шуршание множества голосов. Вестибюль перед большим залом был уже заполнен. Писательский истеблишмент, чередующийся с высокими чиновниками от литературы в ЦК, МКА и других руководящих инстанциях, пришел загодя. Как, увы, бывало, объединяющее начало срабатывало более всего на репрессивных действиях. Кого-нибудь прорабатывать, исключать, выдворять – это пожалуйста. Явка почти стопроцентная.

Меня подозвал Степан Щипачев, поэт, воодушевивший тысячи 38-летних женщин на продолжение «жизни молодой, активной». Это был порядочный, симпатичный человек, в голубых глазах которого всегда теплилась печаль. В московской организации, которую он возглавлял, его любили за неожиданную смелость. Среди толпы приглашенных постоять с ним рядом казалось наиболее приемлемым. Вскоре к нам присоединились (чтобы не ошибиться) Анатолий Алексин, Леонид Леонов, Ефим Дорош. Неподалеку от нас стояли соучастники произошедшего разгрома: помощник Хрущева Лебедев³, главред «Правды» Сатюков⁴ и другие партийные боссы. Когда Андрей появился, вынырнув из изгиба мраморной лестницы, мы все сразу его увидели. Поразило глубокое столь непривычное для глаз одиночество молодого избранника молодежи, всегда окруженного людьми. Он продолжал подниматься по ступеням вверх, и я вдруг заметила, что все в зале делают вид, что не видят его, их скошенные глаза словно вбирали что-то на потолках, на стенах, рядом с ним. Волна ярости, ощущение невозможности, несправедливости происходящего заставила меня импульсивно выкрикнуть: «Андрюша, иди к нам! Как я рада тебя видеть!» Бледный как лист бумаги поэт медленно приблизился, и всем вокруг стало неловко, кто-то даже поздоровался с ним. Еще вчера, думала я, вы все перебежали через дорогу, увидев Вознесенского. А сколько он обязан был одарить автографом, улыбкой. Куда ж все подевалось? Неужели отношения, сложившийся имидж столь зыбки, а чиновничество, лесть и подстраивание к властям столь многовековы в нашем обществе?

³ Владимир Лебедев – журналист, партийный деятель, помощник Хрущева по культуре, отстаивал многие неугодные публикации, в том числе добился издания в СССР произведения Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича».

⁴ Павел Сатюков – журналист, партийный деятель, один из советников Хрущева.

А события с каждой минутой приобретали все более угрожающий характер. Мы прошли в зал, я осталась с ним и села на последнем ряду. Ему было неприятно ощущение сдвинутых фигур в центре зала, которые, кто знает, и пересаживались бы, увидев его. Собрание открыл председатель союза Георгий Мокеевич Марков, он огласил повестку дня. Первым на ковер был вызван Женя Евтушенко, который прорабатывался за публикацию автобиографии во французском журнале. Я плохо помню его обмен репликами с Марковым, вроде бы диалог завершился тем, что Женя частично признал какие-то ошибки, смело отринув другие обвинения, и его с богом отпустили.

– Ну что ж, – сказал Марков, – Вознесенский говорить не хочет, он в зале? – Нестройный гул: «В зале, в зале».

Какие-то считанные секунды Марков пощупал глазами зал и, не увидев Андрея, сказал:

– Ну что ж, если Вознесенскому нечего сказать собранию, начнем голосование.

В эти мгновения мой мозг работал подобно рефлексам немедленной реакции, если на тебя катится автомобиль. Я обернулась к Андрею, весь в красных пятнах, он сказал:

– Я каяться не буду.

– Ни в коем случае, – ответила я, – но нужно задержать голосование, пиши записку.

Под мою диктовку он написал. Что-то в этом роде: «Мне трудно сегодня осознать происшедшее, надо подумать. Хрущев сказал работайте, я работой отвечу на критику». Записка медленно поползла к трибуне, но Марков в застывшем зале увидел движение и сказал:

– Что-то как будто от Вознесенского идет...

Я поняла, что историческая память в сознании Маркова воскресила все происшедшее с Пастернаком и то, как впоследствии каждому из тех, кто издевался над ним, отозвалось его поведение в тот раз. Ему не захотелось быть тем руководителем, с именем которого будет связано исключение писателей такой известности из Союза писателей. И он тянул время.

– Ну вот, – сказал он, получив записку. – Я вам сейчас зачитаю.

И он медленно, акцентируя каждое слово, прочитал написанное. Легкий шелест разочарования прошел по залу.

– Он хочет подумать, – сказа Марков иронично. – Пусть думает.

Вопрос был снят с программы, так как голосование не было допущено.

Много лет спустя мы с Андреем узнаем реакцию Хрущева, уже скинутого с пьедестала, оштрафованного и униженного собственным окружением, когда нам передали просьбу пенсионера Хрущева поговорить с Вознесенским и попросить у него прощения. Мысль Андрея, казавшаяся мне абсурдной, что Хрущев протянул ему руку со словами «работайте» после яростного крика, потому что вдруг осознал: вот этот сплоченный орущий зал может когда-нибудь обрушиться и на него, наверное, имела под собой основание. Никита Сергеевич передал Андрею, что сожалеет о тех обвинениях, которые он «вылил» на голову поэта и просит простить его, у него-де (у Вознесенского — *Прим. ред.*) отсутствовала полная информация. Под информацией он, очевидно, имел в виду повод, вызвавший негодование Хрущева. За месяц до Кремлевских встреч с интеллигенцией его посетили двое украинских писателей. Это были Ванда Василевская⁵ и Александр Корнейчук⁶, во время разговора с Хрущевым Ванда Василевская пожаловалась:

– Никита Сергеевич, мы в Польше так стараемся внедрить соцреализм, подчеркнуть его положительные стороны, а ваши писатели ставят нам палки в колеса и мешают.

– Кто? – возмутился Хрущев.

⁵ Ванда Василевская – польская и советская писательница, сценарист и общественный деятель.

⁶ Александр Корнейчук – украинский и советский писатель и политический деятель.

– Недавно в Польше были два ваших столь избалованных вниманием публики Аксенов и Вознесенский. И что бы вы думали? Они дают интервью, в котором заявляют, что соцреализм не главное и не единственное направление в советском искусстве, есть и другие течения, не менее яркие и значительные.

Вслед за этим, конечно науськанный другими доброхотами, Хрущев посетил выставку Белютина⁷, затем посмотрел работы Эрнста Неизвестного (который рискнул с ним полемизировать, заявив, что он недостаточно образован в искусстве), потом была первая встреча Хрущева с интеллигенцией, где он громил Маргариту Алигер и альманах «Тарусские страницы». И, наконец, вершиной хрущевского воспитания интеллигенции стали встречи в Кремле.

⁷ Элий Белютин – советский и российский художник и педагог, один из лидеров русского «неофициального искусства» середины XX века.

Ванга

Судьбу мне взялась предсказывать Ванга. На дворе – 1967 год, Болгария – наша первая граница. На пляжах толпы ярко и нагло обнаженных чехов, немцев, венгров, весело распи- вающих пиво, отбивающих рок на дискотеках. Это они, чехи, в следующий наш приезд будут в панике ждать у моря переправы домой – русские танки идут по Праге.

Я любила Болгарию первой любовью: только что переведена моя проза – книга «Тран- зитом», шалею от прозрачности моря с роскошно обустроенными пляжами, старинными зам- ками, архитектурой новых, словно парящих, отелей на взморье.

Сказительница, всемирно известная ясновидящая сидит напротив и бормочет о том, что со мной было, что будет... Мне, не верующей в бога и тайнства, а лишь в судьбу и предначер- танность, это кажется особенно нелепым в полутемной, нищей комнате городка Петрич, что на границе с Грецией и Югославией в 300 км от Софии. Слепая женщина гладит кусок сахара, который мне было велено всю ночь прятать под подушкой.

Почти все, сказанное Вангой, исполнилось за минувшие 35 лет, кое-что еще не исчер- пано. Сбылось и подчеркнутое на прощание: «Тебя перестанут преследовать, ты будешь очень успешно работать и счастлива в браке. Тебя признает много интересных людей. И однажды ты пересечешь океан».

Резковатый, низкий голос, глаз не видно, рыхлая, немолодая, сильно сутулящаяся жен- щина. Мне ее жаль, я не испытываю интереса к ее предсказаниям, только к ней самой. Для меня, в то время невыездной, *пересечь* океан так же неправдоподобно, как увидеть сны на сан- скрите.

Встречу с Вангой мне устроил поэт Любомир Левчев, один из кумиров тогдашней болгар- ской молодежи, глава СП, а впоследствии министр культуры и фаворит знаменитой Людмилы Живковой – дочери генерального секретаря ЦК Болгарской коммунистической партии Тодора Живкова. Сегодня, три с половиной десятилетия спустя, когда я пишу эти строки, на экране моего телевизора показывают скудные «полуофициальные» похороны всемогущего когда-то, а ныне свергнутого генсека Живкова. В 1967-м мы бы высмеяли любого, кто предсказал, что бес- сменный вождь болгарского народа (который еще в 1979-м получит высший российский орден из рук Леонида Брежнева) после долгого домашнего ареста умрет в одиночестве, и произойдет это через 10 лет после смерти его любимой дочери Людмилы (политической звезды и первого болгарского идеолога западной ориентации), которая покончила жизнь самоубийством.

Накануне визита к Ванге Левчев предупреждает, что прибыть надо не позже 7 утра – именно в это время прорицания ясновидящей особенно впечатляют. Мне немного стыдно затраченных им усилий. К Ванге меня влечет лишь острое любопытство сочинителя ко всему необъяснимому, неординарному. В особенности к тем, не похожим на нас людям, чья жизнь отмечена роковым знаком неизбежной расплаты за талант. Как выживают эти особы с бременем их отдельности от себе подобных?

До Ванги мне повезло узнать Вольфа Мессинга, впоследствии Джуну Давиташвили. Я встречалась с ними с тайной целью «уличить» их в жульничестве, никогда не доверяла явле- ниям, которые нельзя объяснить. Но я ошибалась.

Уже по дороге в Петрич от левчевского водителя (кажется, Гоши) я слышу самые фан- тастические истории о Ванге. Как с этим быть? Гоша молод, несентиментален, в его рассказах нет и тени умиления – сухость протокола.

Сначала он говорит о Леониде Леонове. Гоша не ведаёт, что моя книга, ещё в давность пребывания в критиках, посвящена именно драматургии Леонова. За неё после долгих издательств высшего писательского начальства меня приняли в Союз писателей в 1961 году⁸.

Советского классика, осенённого крылом горьковского благословения, безмерно чтили в Болгарии. Тяжеловесная вязь языка, мистика роковых переплетений сюжета (близкая Лескову и Достоевскому) не мешали восприятию его таланта, могучего, темного, сильных, порой многословно-пафосных персонажей, почти всегда скрыто и непреклонно противостоящих советской системе. Два постановления ЦК по пьесам Леонова подтверждали, что затаенная враждебность столь одиноко существовавшего на миру писателя была цензурой отчетливо уловлена.

От Гоши я узнала, что единственный раз, именно для встречи с Леонидом Леоновым Ванга покинула Петрич и отправилась в Софию. Пожелание классика повидаться с ясновидящей несколько обескуражило руководство Союза писателей, но отказать в просьбе Леонову (плохо чувствующавшему себя для длинной дороги) было бы верхом негостеприимства – для почетного гостя Болгарии сделали исключение.

На «Мерседесе» Левчева Гоша вез Вангу в столицу. Номерные знаки машины позволяли гнать с любой скоростью, и водитель с прорицательницей мчался на пределе, боясь опоздать к семи утра.

– Ты что ж, бандит, делаешь? А? – услышал он окрик невесты откуда вынырнувшего гаишника. С трудом притормозив, Гоша остановился.

– А ну, отдавай права!

– Какие еще права, – окатил презрением водитель постового, кивая на особые номера, – я опаздываю к важной персоне, уйди с дороги!

Полицейский, игнорируя привилегию, обругал Гошу непристойными словами и потребовал документы. Слепая Ванга, дремавшая на заднем сидении, вдруг приоткрыла окно и веско произнесла:

– Эй, служивый, зачем ты хочешь наказать этого бедолагу за пустую провинность, когда сам повинен в столь тяжком преступлении?

Постовой затрясся, побледнел и, крестясь, попятился к кустам.

– Ведьма, ведьма! – заорал он. – Убирайтесь!

Реакция полицейского ошеломила Гошу. После встречи с Леоновым он отвез Вангу обратно в Петрич, но, возвращаясь в Софию, решил отыскать полицейского. Его разбирало любопытство, какое такое преступление совершил этот гаишник и как могла знать об этом Ванга?!

Гоша разыскал постового. После обильной выпивки тот рассказал о случившемся пять лет назад. Отслужив в армии, он был мобилизован и офицером полиции вернулся домой. Там он обнаружил в их семейной постели жену и чужого мужчину. Сознание помутилось, он выхватил пистолет, убил жену и ранил любовника. Суд принял во внимание шоковое состояние офицера, непредумышленность убийства и смягчил наказание до 5 лет. Отсидев положенное, разжалованный подполковник вернулся рядовым на тот же участок.

– Как Ванга могла узнать мою историю, – сокрушался полицейский. – Ведьма, да и только!

– Что сейчас думают о Ванге? – поинтересовалась я у Гоши.

– О... у нее большая слава, ее изучают даже в Америке. Хотя официально Вангу не признали. Вас везу тоже по договоренности – это значит вне культурной программы.

Помолчали.

– Еще две истории хотите? – предложил Гоша. – Или не верите?

– Хочу верить.

⁸ З. Богуславская. Леонид Леонов. М., «Советский писатель», 1960.

– Вот и совсем фантастический случай. Молодая немецкая пара отдыхала здесь на Солнечном берегу. Их пятилетняя дочь копалась в песке и вдруг куда-то исчезла. К вечеру позвали полицию, прошерстили весь район – никаких следов не нашли, ребенок пропал. Кто-то подсказал обратиться к Ванге. Та попросила дать ей любую вещь ребенка. К вечеру она заявила: «Ищите ребенка в деревне...», и она назвала место в 50 с лишним километрах оттуда. Это было абсолютно невероятно, но других надежд не было. Отчаявшиеся родители поехали вслед за полицией. Ребенок оказался там. Девочка забрела на насыпь, прибыл поезд. Он уже трогался, когда чьи-то руки подхватили ребенка, полагая, что девочка не успела влезть в вагон. На конечной станции ничейное дитя сняли с поезда, поселили в деревне до установления личности родителей. Прошла неделя – никаких успехов, девочка не понимала по-болгарски, спасители не знали немецкого.

– Вот, – с энтузиазмом воскликнул Гоша, – если б не Ванга, ребенок бы потерялся.

– А сама Ванга откуда взялась? Как обнаружился ее дар?

Гоша не спешил удовлетворить мой интерес. Скольким он уже про это рассказывал! Но вышколаженность, гостеприимство возобладали.

– Ванге было двенадцать, когда она, играя с подружками, попала под ураган в селе Струмница, лишь сутки спустя ее нашли, засыпанную ветками, полубезумную. Она кричала от боли, глаза были забиты песком. Девочку спасли, но она ослепла. С этого дня подросток повел себя необъяснимо странно. Все чаще ее поведение стало вызывать тревогу у родителей. Потом Ванга повзрослела, и как-то незаметно за ней закрепилась репутация ведьмы.

– И вот что случилось однажды, – продолжал Гоша, все более входя в азарт. – За Вангой послали полицейского, его начальник заявил, что ведьма мутит народ, ее место в тюрьме. Новобранец-полицай не церемонился, он схватил незрячую и поволок. «Ты еще успеешь меня арестовать, – вырываясь, закричала девушка, – лучше беги скорее домой, твой ребенок тонет в колодце». «Давай, шевелись», – парень терял терпение. «Запри меня, я же не убегу, – упиралась, молила арестованная, – не медли, беги же, иначе опоздаешь». Пригрозив, что все равно арестует ее, солдат пошел за подкреплением, а сам все же забежал домой. Семья причитала во весь голос, полчаса назад трехлетний мальчишка захлебнулся в колодце. Тогда новобранец направился к начальству. «Хоть как наказывайте, – рыдал он, – не пойду я за ней, не могу и все. Я виновен в гибели собственного сына». Так Ванга осталась на воле.

... Слушая рассказ Гоши, я проникалась все большим состраданием к Ванге. «Где миф, где правда?» – мучилась я сомнением. Жизнь уже преподавала мне однажды жестокий урок. Случилось это в школьные годы и связано было с человеком, о котором сегодня написано сотни статей и книг. Необыкновенный дар Вольфа Мессинга принадлежит истории, о нем знали Гитлер, Сталин и другие вершители судеб миллионов.

Десятилетку я заканчивала в эвакуации, выдворенная войной вместе с родителями из Москвы, где родилась, в Сибирь, в город Томск. Томский университет продолжал оставаться центром культуры, несмотря на зависимость города от ситуации на фронте – немцы неуклонно продвигались вглубь страны. Миграция горожан, в ужасе перемещавшихся подальше от линии боев, уже гремевших под Москвой, трагически множилась. В Сибирь эвакуировали: Комитет по делам искусств, Ленинградский театральный институт и Московский станкостроительный имени Сталина, профессором которого был мой сорокалетний отец.

Моя мать, отличавшаяся привлекательным обликом, с роскошными темно-русыми волосами и девичьей фигурой, была очень талантливым врачом. Ее назначили завотделением госпиталя для тяжело раненых, тех, кто уже не мог вернуться в действующую армию. Теперь большинство из них лежали обрубками на койках в том отделении, где круглосуточно пропадала молодая врачиха – их заведующая, и где, обучившись на скорых курсах грамоте медсестры, дежурила по ночам через сутки и я. Здесь, в этих палатах, я прошла жестокую школу «воспитания чувств», которую не преподают. Необратимость судеб, искалеченных войной, я узнала

«на ощупь» – перевязывала, кормила с ложки. Но, быть может, самое важное для них – терпеливо выслушивала исповеди, разбирая душераздирающие коллизии, в которых каждый из них был невиновен, а помочь не мог уже никто и судить было некого.

Стоял 32-градусный мороз, хрустели ветки деревьев, когда, поддавшись на призывы афиш с громким именем Вольф Мессинг, появившихся в Томске, я пробиралась в местный Дворец культуры. Гастролеру приписывалась гениальная способность читать мысли, держа собеседника за руку, и даже на расстоянии от него. Подобные сеансы, гласила реклама на каждом стенде, он якобы проводил по всему миру. Теперь глотатель чужих мыслей собирался проделать это с публикой в сибирском городе, обещая, что будет работать с любым, кто пожелает. Наша сплоченная компания из пяти человек 9-го «Б» подсутилась и узнала о самом процессе мыслечтения. На сцене размещался Президиум из самых уважаемых лбов города, к ним поступала записка из зала от смельчака, решившегося на эксперимент. Записки, доступные только сидящим на сцене, не отличались оригинальностью. Кто-то просил, чтобы Вольф Мессинг заставил парня покрутиться в вальсе с девушкой или снять с нее бусы, вынуть спрятанные ключи или часы. Мессинг, находившийся в зале, якобы не мог знать содержание записки, поступающей прямо в Президиум. Держа за руку автора послания, он должен был следовать за ходом его мыслей, повторявших текст пожелания.

К нашему изумлению, Вольф Мессинг исполнял все приказы «медиумов» без малейших ошибок, сидящие на сцене умильно лыбились, согласно кивая, когда содержание очередной записки – о чудо! – соответствовало передвижению двоих по залу. Во мне же все протестовало. Как удастся артисту, думала я, читать мысли, если он прибыл из Польши и по-русски знал лишь несколько слов? Значит, заключала я и мои приятели, кто-то на сцене переводит ему текст и подает специальные сигналы.

Как разоблачить Мессинга? Мгновенно мне пришла в голову простая идея. Надо поставить «чистый эксперимент». Мы пошлем «авантюристу» в Президиум некое задание, а когда Мессинг спустится со мной в зал, я продиктую ему совершенно другой текст пожелания. Тут-то он и будет посрамлен. Друзья одобрили мой план, и вперед! Надо признаться, у меня все же мелькнула мысль – а что, если Вольф Мессинг исполнит мои мысленные приказания, а не то, что предложено в записке? Что, если он не окажется шарлатаном?

Наша записка гласила: «Пусть господин Мессинг подойдет к девушке в середине четвертого ряда (то бишь ко мне), возьмет ее за руку и, следуя ее мысленному пожеланию, подведет к мужчине, сидящему на десятом месте в первом ряду. Они должны обняться, после чего этот молодой человек исполнит на рояле “Лунную сонату” Бетховена». Замечу, что уже неделю мы были в глубокой ссоре с моим приятелем, Георгием Новицким, дипломником Ленинградского театрального института, ставшим через год моим мужем.

Итак, Мессинг вытащил меня из ряда и волочил с неистовой силой вдоль прохода. Перепуганная своей дерзостью, на глазах многосотенной аудитории, я пыталась мысленно сосредоточиться на вновь придуманном задании, чтобы не перепутать его с отосланным на сцену. Члены Президиума, впервые осознав несоответствие происходящего в зале с заданием в записке, начали паниковать. Но, увы, они еще не понимали, что случилось худшее. Мужики города недоуменно переглядываясь, вырывая друг у друга записку, решали, как объявить о провале вечера. Председатель медленно начала подниматься со своего места, готовясь остановить маэстро. А Мессинг нервничал, он продолжал выполнять мою мысленную команду. Снимал модную куртку с девчонки, которая стояла в проходе, нашел часы у пожилого инвалида. Конечно же, ни моих объятий с приятелем, ни Бетховена в помине не было. В зале наступила кладбищенская тишина, в которой великий маэстро, обливаясь потом, делал свою непосильную работу. Через минуту непредвиденный нами скандал разразился с неистовой силой.

Мне надолго запомнились влажные бисеринки на висках маэстро со включенными волосами и громадной шишкой на лбу. Вот уже устроительница вышла из-за стола, готовая к изви-

нениям перед публикой. Оставалось признаться, что «король голый». Жюри недоумевало, как же прежде удавалось Мессингу обманывать людей в других городах нашей страны и иностранцев? И тут мы не выдержали. Я вихрем ворвалась на сцену – наступил момент покаяния. За мной выскочили и все «наши». Не берусь описывать, что начало твориться вокруг. Под свист и улюлюканье зала мы выбежали на улицу, чтобы не разорвали на части и, не чуя мороза, спрятались за скамьями в любимом городском парке. Как же мне было плохо! Около часа ночи пурга смела нас из-за укрытия и заставила разойтись по домам.

Эпизод в Томске с Вольфом Мессингом врезался в память надолго, охладив самоуверенность советской школьницы, жившей со словами песни «мы все добудем, возьмем и откроем...». Начался период сократовского скепсиса «я знаю, что ничего не знаю».

Если б я и моя школьная компания ведали, сколь фантастична была биография человека, которого мы чуть было не приняли за жулика! Неизменно виня себя за происшедшее в Томске, я старалась узнать побольше о Мессинге, и позор нашей нахальной вылазки открывался мне в полном объеме от тотальной нашей неосведомленности (увы, из-за полной закрытости в ту пору советского общества и, разумеется, засекреченности биографии великого гастролера).

Его биограф Варлен Стронгин⁹ рассказал мне:

– ...Мальчиком Вольфа Мессинга чуть не похоронили, когда он, впад в летаргический сон, казалось, ушел из жизни, и лишь случайное внимание студента-медика, обнаружившего, что сердце ребенка еще бьется, спасло его. Девятилетним, в 1908 году он ушел от родных, спрятался в вагоне под скамейку и, сумев внушить контролеру, что протянутая им бумажка и есть проездной билет, доехал до Берлина. Впоследствии крупнейшего профессора психиатрии, невропатолога Абеля поразила способность подростка полностью управлять своим организмом, впадать в летаргию, не ощущать боли и, что совсем ошеломляло, как бы погружаться во внутренний мир другого человека. Первые заработки Вольф Мессинг получил за номер, когда, впадая в каталептическое состояние, мог трое суток, словно мертвый, лежать в хрустальном гробу. Всеволод Иванов, будучи в Германии, видел этот номер и поведал нам в повести «Приключения факира» о первых выступлениях артиста в «Гарден Винтер». Фокус с отысканием «драгоценностей», украденных у миллионера, принес артисту бешеный успех, и постепенно он становится известен не только в Европе, но и в Японии, Бразилии, Аргентине. Во время выступления в Вене шестнадцатилетний юноша знакомится с Альбертом Эйнштейном и Зигмундом Фрейдом. Великие ученые XX века шлифуют признанный талант – у Фрейда Мессинг пополняет свою копилку самовнушением и умением сосредотачиваться, у Эйнштейна учится способности соотносить явления, выявляя их сущность. С 20-х годов Мессинг попадает в поле зрения власти, сначала Юзефа Пилсудского, затем И. В. Сталина. Во время выступления в Варшаве Мессинг предсказывает гибель Гитлера, если тот пойдет войной на Восток. В ответ Гитлер объявляет двести тысяч марок за голову смельчака. Но Мессинг, несмотря на это, продолжал оставаться в родном местечке. Однако он все чаще жалуется на плохие предчувствия. Вскоре Мессинга угоняют в Варшавское гетто. Ему предстояла участь его братьев и отца, сгоревших в печах Майданека. Но здесь, в гетто, его спасает сверхъестественная способность к внушению. Он проходит сквозь охрану и убегает. Впоследствии Сталин будет насмехаться над своими сторожами, наслаждаясь их беспомощностью, когда Вольф Мессинг, прибывая в Кремль по его вызову, будет проходить сквозь охрану без пропуска и документов. Но Мессинг использовал свой дар чаще всего, чтобы вызволять людей из плена, укрывать от преследования. Однажды ему пришлось столкнуться с советскими пограничниками. После побега из лагеря Мессинг переправился через Буг и попал в плен к русским. Словно предвидя это, Мессинг украл плакат, где нацисты обещали большое вознаграждение за поимку предводителя русского погранотряда. Это подействовало. Вскоре обнаружилось, что крайнее перенапряже-

⁹ Варлен Стронгин – советский и российский писатель, журналист и редактор.

ние, которое Мессинг испытывал в борьбе с ежедневной опасностью, приводило к тяжелому кризису, состоянию полной неподвижности – Мессинг впадал в каталептический сон.

Благоволение Сталина улучшило положение Мессинга, он возвращается на сцену, выступает во многих странах. В России он гастролитрует от Филармонии. Несколько раз в Новосибирске, затем в Томске. Здесь мне и довелось пережить изложенное выше. Именно Сибирь изменила судьбу Мессинга, он знакомится с Аидой Михайловной, единственной женщиной, которая олицетворяла для него счастье. Это – любовь, сходство убеждений и возвращение к нормальной жизни. Бессменная ведущая его выступлений, Аида повсюду следует за мужем. Наступает пик его озарений, в его концертах не бывает сбоев.

После сибирских гастролей Сталин встречается с Мессингом во второй раз. Современники утверждают, что во время одной из бесед Мессинг рискнул предостеречь вождя. Маэстро сказал, что его сын Василий не должен лететь в Свердловск – там была запланирована встреча хоккейной команды с местным «Спартаком». Несколько озадаченный – Сталин не любил советов, о которых не спрашивал, – но все же он согласился поговорить с сыном. С трудом ему удалось уговорить Василия пересест на поезд. Необходимость отказаться от компании в самолете вызвала его резкое сопротивление, и все же Василий не посмел послушаться отца. Чтобы не скучать в долгой дороге, он прихватил с собой самых знаменитых хоккеистов Боброва и Тарасова. Предсказанное Мессингом сбылось. Как известно, самолет разбился, и только эта тройка спаслась. Приписывали Мессингу и предсказание трагической гибели космонавта Комарова. «Я знал, что он не вернется, – каялся впоследствии Мессинг, – но куда обращаться и кто мне поверит?» До конца своих дней он будет мучиться вопросом – мог ли он предотвратить трагедию.

Когда маэстро не стало, многие осознали, что этот неприятный, странный человек, которого многие сторонились, был благороден и честен не только с другими, но и с самим собой.

Вольф Мессинг отказался от почестей, которые ему предлагали во всем мире, он ушел из жизни без званий, не накопив богатства. Похоже, маэстро стеснялся своего дара. Было ли это из чувства самосохранения, или необъяснимая боязнь публичности? Либо он сознавал, что только незаметность может спасти его? В дневнике он запишет: «Я старался работать, как в те годы работали все. Свои личные сбережения я передал на строительство двух военных самолетов, которые я подарил боевым летчикам. Первого – в 1942 году, второго – все накопленное за два года – в 1944-м». Превратности жизни Мессинг вынес с исключительным мужеством, но его ждал удар, которому он не смог противостоять – смерть жены. Когда Мессинг похоронил ее, он уже не смог вернуться к нормальной жизни. Он тихо скончался в 8 ноября 1974 года, и единственный некролог о смерти гениально одаренного предсказателя появился в «Вечерней Москве».

Свидетели похорон Вольфа Мессинга в ЦДРИ (Центральный Дом работников искусств) рассказали, что прощание с великим магом походило на тайную сходку. Никакого объявления о панихиде не было. Люди узнали, образовалась довольно большая толпа. Мессинга похоронили на Востряковском кладбище, рядом с женой, как он завещал. На его погребальном костюме не было ни орденов, ни медалей. «Я – также неоплачиваемый артист, – не раз говорил он, – единственное мое звание – я, Мессинг». В этом он оказался пророческим. Сейчас, по дороге к Ванге, я думала, что его имя оказалось выше, чем звание.

Мне никогда не довелось больше увидеть маэстро. Так и остались непрощенными наш грех и глупая провокация.

Впереди была встреча с женщиной, которой людская молва приписывала, как и Мессингу, провидение судьбы человека. Ее дар болгары называли ясновидением. Она «читала» не только мысли, но и предугадывала обстоятельства жизни, прошлые и будущие.

Ни свидетельства, приводимые Гошей, ни то, как я обожглась в понимании искусства Мессинга, однако ж, до конца не разрушили моих предубеждений. Мне думалось: людям так хочется верить в мифы.

...В селе Петрич, куда мы въехали на рассвете, я увидела толпу перед домом Ванги. Люди стояли впитык друг к другу, ожидая ее появления. Гоша объяснил, что обычно в это время Ванга выходит на крыльцо и сама выбирает из толпы тех, кого примет.

– Как выбирает?! Она же незрячая.

– Откуда мне знать? Сами увидите. – Гоша прекрасно владел русским. – Сейчас обязательно к ней кто-то бросится, станет умолять: «Со мной поговорите!». Извините, госпожа Богуславская, но нам тоже придется подождать.

Мы присаживаемся на ступеньки.

– Сейчас кто-то из дома нас вызовет. Госпожа Бонева, наверное, уже здесь (Дора, жена Левчева, одна из самых ярких художниц Болгарии, соглашалась мне переводить. – З. Б.).

Пока ждем, Гоша пытается развлечь меня.

– В последний раз, когда я ждал здесь Вангу, чтобы возвести ее к Леонову, – говорит он, – какая-то женщина, увидев ее на крыльце, запричитала: «У меня сестра умерла, ничего не успела сказать. Как жить? Что со мной будет? Я – нищая». А Ванга ей так спокойненько: «Не ходи ко мне. Все равно не приму. Твоя сестра два года болела, ты ни разу к ней не пришла. Она умерла в одиночестве, чужие люди были рядом. Теперь ты хочешь от меня узнать, куда она деньги спрятала? Не скажу. Уходи и не показывайся». Вот как она ведет себя! Другого просителя еще хуже отбрила: «Ты доносил на мать, на жену, избил ребенка, теперь хочешь отсудить комнату, да не знаешь, где бумаги».

– А как Ванга показывает, с кем хочет встретиться?

– Просто рукой: ты, ты и ты.

Мы входим к Ванге в комнату вместе с Дорой Боневой уже около семи утра, сразу погружаясь в полутьму комнаты. Свет чуть брезжит сквозь закрытые занавески, все как-то неряшливо, тускло. Сама Ванга тоже не впечатляет. Бледное, одутловатое лицо, стертые расплывчатым выражением равнодушия и усталости, редкие, с проседью волосы убраны в пучок под платком. Я протягиваю (обязательный для ее сеанса) кусок сахара, пролежавший ночь под моей подушкой, Ванга трет его, и вдруг сквозь безжизненные черты проступает осмысленное выражение.

– У тебя и твоего мужа живы все родители, – сразу же начинает она, – вы счастливые дети и счастливая пара. – Сосредоточенно, углубленно она продолжает мять в ладонях мой сахар. – Но вот отец твоего мужа серьезно болен. Что-то у него с головой и с ногой. А мать переживет его на десять с лишним.

Впоследствии в памяти стерся этот первый пассаж ясновидящей, острое любопытство требовало продолжения. Я была уверена, что наступит момент явных несоответствий ее прогнозов, «сахарная» информация слиняет под напором фактов. Однако Андрей Николаевич Вознесенский умер спустя полгода в возрасте 69 лет от инсульта, которому предшествовал острый тромбоз правой ноги. Антонина Сергеевна Вознесенская (в девичестве Пастушихина) умерла в возрасте 73 лет на глазах дочери, сестры Андрея Наташи, в собственной квартире, когда смотрела по телевизору творческий вечер дагестанского классика Расула Гамзатова – 10 марта 1982 года.

– ...Твоему сыну сейчас 12 лет. У него неважно со зрением, он носит очки, – продолжила Ванга. Я согласно кивнула, поразившись источнику подобных сведений у болгарской слепой в селе Петрич. Если предположить даже, что кто-то собирал информацию о нас с Вознесенским, то подобные подробности о Леониде? Это было исключено. Но в следующее мгновение Ванга поразила меня еще больше. Неожиданно ее лицо исказила мучительная гримаса. – Я

ошиблась, – пробормотала, устремив бельма поверх моей головы, – твоему сыну не 12, а 13 лет. Скажи ему, пусть всегда снимает очки, когда идет в воду.

В ту же минуту я осознала, что Ванга права. Во время нашего двухнедельного пребывания в Болгарии прошел день рождения Леонида, ему исполнилось 13 лет. Мне трудно подобрать слова, чтобы определить мое состояние от сказанного. Уточнение Ванги повергло меня в шок, показавшись абсолютно невероятным.

Затем она занялась мной. Ее резковато-хриплый голос разбрасывал сведения, от которых меня начала охватывать оторопь. Уже не в силах скрывать свое состояние, я вскочила, не умея скрыть охватившее меня волнение от противоестественности происходящего. Но вскоре, по мере ее откровений, мне все больше становилось невыносимо жаль ее. Существо, наделенное столь исключительным и опасным даром, существовало в нищенских безрадостных условиях, лишенное всего, чем обогащают нашу жизнь достижения современности. А мне она сулила так много: «Тебя перестанут преследовать, признает много интересных людей, и однажды ты пересечешь океан...»

И теперь, прежде чем продолжить рассказ о Ванге – небольшое отступление в будущее по следам ее пророчеств.

Итак, в том 1968-м предсказания ясновидящей казались абсолютной фантастикой. В течение шести лет я считалась «невъездной». Подписи в защиту Андрея Синявского и Юрия Даниэля – то, что не признали их «ошибкой», отдавались долго. Чтобы разрешить мне поездку даже в дружественную Болгарию, где была издана моя книга, понадобились усилия многих людей, да и срок давности «преступлений» вроде бы истек. В этих обстоятельствах представить себе «пересечение океана» – т. е. посещение США или Канады, было утопией. Поездки в эти страны разрешались в то время либо абсолютно благонадежным, либо под давлением Запада. Но в отношении меня все же сбылось предсказанное Вангой. Решающим оказалось приглашение посла Канады выступить в университетах страны. Господин Роберт Форд был в Москве дуайеном, то есть старейшим среди западных послов. Настойчивость г-на Форда в отношении меня (кроме врожденного чувства справедливости) объяснялась еще и тем, что он был поэтом. Он издал в Канаде небольшую книжечку стихов Андрея в своем переводе, в том числе поэму «Авось», которая легла в основу спектакля Ленкома «Юнона и Авось», и наблюдал ход событий, связанных с моей персоной. После бесконечных отказов наших высших инстанций при выяснении имени приглашенного визитера решающей стала совершенно неожиданная поддержка нашего тогдашнего посла в Канаде А. Н. Яковлева¹⁰. Абсолютно незнакомый мне дипломат написал в «шифровках» (как я узнала много лет спустя), что «поездка писателя-женщины новых взглядов по университетам крайне целесообразна». Так я оказалась одна в Канаде, с ужасом осознавая, что я гость их правительства, и моя программа – не более, не менее, как встреча со студентами в шести городах и университетах страны.

Жизнь вроде бы начиналась заново.

Сколько раз я вспоминала уже хрестоматийные слова Мандельштама, сказанные Надежде Яковлевне (Мандельштам – З. Б.): «Почему ты думаешь, что человек рожден для счастья? Он рожден и для страданий и несчастий. Быть может, в той же степени, если не в большей».

Я думала об этом, созерцая первозданную красоту заснеженных перевалов буйного Ниагарского водопада, лишившего жизни так много прекрасных юношей, ощущая непоказное гостеприимство университетской братии и студентов, столь горячо стремившихся узнать побольше о нашей литературе и жизни художественной интеллигенции. Впечатления захлест-

¹⁰ Александр Яковлев – советский и российский политический деятель, ученый-американист, историк, академик РАН, соратник Михаила Горбачева, один из идеологов Перестройки.

нули меня, и противостояние чему-то, оскорбительные объяснения с чиновниками (особенно усердно прошлись по мне Кузнецов¹¹

¹¹ Феликс Кузнецов – советский и российский литературовед и литературный критик, положительно оценил произведение А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», но осудил журнал «Метрополь».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.